

Корней Чуковский

Корней

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ

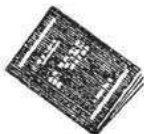
Чуковский

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ВОСЬМОЙ

ИЗ КНИГИ «ФУТУРИСТЫ»

АЛЕКСАНДР БЛОК
КАК ЧЕЛОВЕК И ПОЭТ

ДВЕ ДУШИ М. ГОРЬКОГО

РАССКАЗЫ О НЕКРАСОВЕ

СТАТЬИ (1918–1928)

УДК 82
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ч-88

Чуковский, К. И.

Ч-88 Собрание сочинений: В 15 т. Т. 8: Литературная критика. 1918–1928 / Предисл. Е. Ивановой; Комментар. Е. Ивановой и Б. Мельгунова. – М. : T8RUGRAM / Агентство ФТМ. – 664 с. : ил.

ISBN 978-5-519-66166-9 (т. 8)
ISBN 978-5-446-70026-4

В восьмой том Собрания сочинений вошли книги «Футуристы», «Александр Блок как человек и поэт», «Две души М. Горького», «Рассказы о Некрасове», а также несобранные статьи.

За исключением «Футуристов», все эти произведения не входили в единственное прижизненное собрание сочинений Чуковского.

УДК 82
ББК 84(2Рос=Рус)6
ВІС FC
BISAC FIC004000

© T8RUGRAM, 2017
© Агентство ФТМ, Лтд., 2017
© К. Чуковский, наследники, 2017
© Е. Чуковская, составление, 2017
© Е. Иванова, составление,

ISBN 978-5-519-66166-9 (т. 8) комментарий, 2017
ISBN 978-5-446-70026-4 © Б. Мельгунов, комментарий, 2017

Самым большим испытанием в жизни Чуковского, как и всего его поколения, стал Октябрь 1917 года. Всем его современникам, без различия политических убеждений и социального статуса, пришлось тогда пережить то, что описал В. Розанов на страницах «Апокалипсиса нашего времени»: «С лязгом, скрипом, визгом опускается над Русскою Историею железный занавес. «Представление окончилось». Публика встала. «Пора надевать шубы и возвращаться домой». Оглянулись. Но ни шуб, ни домов не оказалось»¹. Чуковский, казалось бы, менее всего должен был ждать подвохов от революции: сын прачки, сам себя воспитавший на медные деньги, в зрелый период своего творчества он принадлежал к кругу либеральной интеллигенции, для которой все, что связано с революцией, было окружено ореолом святости. Не имея прямого интереса к политике, он сочувственно наблюдал поединок революционеров с правительством. Но вот когда «представление окончилось», он наряду со многими людьми своего круга с некоторым изумлением вдруг обнаружил отсутствие всего того, что казалось неотъемлемой принадлежностью существования. Совсем не конъюнктурные соображения заставляют биографа Чуковского делить его творческий путь на до- и после-революционный: он потерял тогда все или почти все, что с таким трудом было достигнуто до революции.

А достижений накопилось немало — по существу, все последнее дореволюционное десятилетие было для него непрерывным восхождением. К этому времени он почти десять лет был ведущим критиком влиятельной кадетской газеты «Речь», его мнением дорожили, его острого языка боялись. Но главное — он имел своего читателя, что можно считать самым большим его приоб-

¹ Розанов В. В. *La divina comedia* // Апокалипсис нашего времени. Цит. по кн.: Розанов В. В. *О себе и жизни своей*. М., 1990. С. 627. В библиотеке Чуковского, кстати, сохранился экземпляр первого и третьего выпусков этого розановского «Апокалипсиса» с дарственной надписью Розанова.

ретенением. Чуковский не относился к числу критиков-эстетов, которые презирали или просто игнорировали читателей, видели в них толпу «непосвященных» и предпочитали писать о литературе и искусстве на страницах изданий с весьма ограниченной, но квалифицированной читательской аудиторией. Поэтому сотрудничество в символистском журнале «Весы» так и осталось для него эпизодом (правда, здесь значение имели и материальные причины — «Весы» не всегда исправно платили авторам, а литературный заработок для Чуковского и его семьи составлял единственный источник существования). С читателем, который был у газеты «Речь», Чуковский находился в полном контакте, он умел ценить свою аудиторию, не пропускавшую и его устных выступлений. Среди этих читателей были такие, кто и спустя десятилетие помнил его наиболее яркие фельетоны и характеристики. В предисловии к тому 7 мы приводили отзыв академика Е. В. Тарле, сравнивавшего Чуковского с Ипполитом Тэнном. Подобным читателям, даже если их было немного, мог позавидовать любой критик.

Связь со «своим» читателем относилась к числу наиболее важных завоеваний его дореволюционной литературной карьеры, и в дневниковых жалобах Чуковского на свое амплу газетного фельетониста надо отделять то, что было вызвано минутной усталостью от непрекращающегося потока работы, и то, что реально можно было бы обозначить словами «кризис жанра». Конечно, предреволюционные статьи показывают, как нелегко становилось все время находить новые темы, поскольку обо всех сколько-нибудь интересных ему писателях-современниках он успел написать не один раз, а повторять себя, симулировать творческий процесс он не умел. Постоянное недовольство собой было свойственно Чуковскому именно потому, что доверие читателей он ощущал как постоянное ожидание, которое никак нельзя обмануть.

Разумеется, Чуковского не могли не затронуть те испытания, которые принесла Первая мировая война, когда, по словам Блока, «цвет человечества, цвет интеллигенции сидел годами в болоте <...> люди как-то рассеялись, замолчали и ушли в себя: точно сидели под колпаками, из которых выкачался воздух»¹. Война сильно повлияла на книжный рынок, снизив тиражи, сократив число периодических изданий. Но это были препятствия, с которыми Чуковский мог справиться: для него как критика это время стало полосой исключительно успешных лекторских выступле-

¹ Блок А. Интеллигенция и революция // Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. М.-Л., 1962. С. 10–11.

ний, которые по эстраднему успеху не уступали аналогичным выступлениям Владимира Маяковского.

Его внимание как критика переключилось тогда на футуристов всех оттенков, в начале 1910-х годов делавших первые шаги на литературной сцене. В атмосфере скандалов, которыми сопровождались их устные и печатные выступления, статьи Чуковского пришлось как нельзя кстати. Шумные вечера и «поэзоконцерты» футуристов отпугивали и дезориентировали читающую публику своей эксцентричностью, мешали ей вникнуть в смысл их необычного творчества. Чуковский вовремя протянул читателям руку, стал их поводырем, и потому его лекции и статьи о футуристах пользовались большой популярностью.

1916 год принес Чуковскому еще одну удачу – он в качестве журналиста вместе с писателями Алексеем Николаевичем Толстым, Василием Ивановичем Немировичем-Данченко, редактором-издателем газеты «Речь» Владимиром Дмитриевичем Набоковым и несколькими влиятельными журналистами по приглашению британского правительства посетил Англию, которую покинул более 10 лет назад. Поездка была исключительно богата впечатлениями, в одном из писем к жене он не без гордости сообщал: «Меня принимал король, сэр Эдвард Грей, лорд Китченер и сэр Джон Джеллико (*названы министр иностранных дел, военный министр и командующий всем британским флотом*), мне показывали все тайны, недоступные самим англичанам – какие строятся теперь суда, аэропланы и проч., я был в стоянке Главного флота, куда с самого начала войны не мог проникнуть никто...»¹. Это была еще одна вершина, на которую он поднялся накануне революции, но, как стало ясно позднее, лишь затем, чтобы стремительно скатиться и довольно скоро оказаться в числе тех «бывших», которых снисходительно будут называть в лучшем случае «попутчиками».

В той новой эпохе, в которую вступил Чуковский вместе со всей страной в 1917 году, все дореволюционные успехи не только потеряли цену и смысл, но обратились из заслуг в улику, подтверждающую либо служение эксплуататорским классам, либо принадлежность к ним. Над Чуковским, как и над всеми людьми его круга, навис совершенно новый и неслыханный прежде вопрос: «а чем вы занимались до 1917 года?» От ответа на него теперь зависела и возможность публиковаться, и поступление на работу, и право детей получать образование. Все факты дореволюционной биографии Чуковского на многие годы стали неиссякаемым ис-

¹ Чуковский Корней. Из переписки с женой (1904–1916) // Культура и время. 2002. № 1. С. 124.

точником компромата. Не сразу, но стало понятно, что наиболее компрометирующей оказалась именно критическая деятельность: выяснилось, что писал он не о тех и не то, что он был чужд классовым интересам пролетариата, что он выражал буржуазную точку зрения и т. п.

Революционный циклон настиг Чуковского незадолго до сорокалетия. Никаких оснований причислять себя к лагерю тех, кого тогда сразу стали называть «контрреволюционерами», у него не было, хотя кадеты стали первыми, на кого большевики направили удар, и большинство его коллег и соратников по газете «Речь» очень скоро оказались в эмиграции. Чуковский не был затронут в ходе первых большевистских репрессий, но связь с кадетами стала позднее несмыаемым пятном в его биографии, ее потом не раз припомнят ему «братья во литературе». На первых порах гораздо чувствительнее на его судьбе отозвалось уничтожение частных издательств, закрытие журналов и газет, лишившее его трибуны и средств к существованию.

Но все это не повлияло на его решение остаться в России, он не предпринимал никаких попыток эмигрировать. И хотя в жизни Чуковского не было плакатных ситуаций в духе Маяковского («моя революция, пошел в Смольный...»), в Смольном он все-таки оказался в числе тех дореволюционных интеллигентов, кто выразил готовность включиться в культурную работу.

Но даже при отсутствии конфронтации с новой властью, выпавшее на его долю «испытание в грозе и буре», как некогда называл революцию критик Иванов-Разумник, оказалось чрезвычайным тяжелым. Прежде всего — по причинам чисто материальным: он по-прежнему оставался единственным кормильцем большой семьи, а в 1920 году у него родилась еще одна дочь — Мария (Мур), которую он позднее потерял при весьма трагических обстоятельствах. Суровым испытаниям подверглась его литературная деятельность, поскольку почти сразу обнаружилось, что критики, в дореволюционном понимании этого слова, в новой литературе не будет, она упразднена и «другие мальчики поют другие песни», причем весьма воинственные по отношению к прежним представителям критического цеха. Упразднение независимой от государства прессы оказалось одним из самых неожиданных сюрпризов новой власти, имевших и самые тяжелые последствия: дореволюционные литераторы прямо на глазах стали превращаться в «бывших людей». В предыдущих томах нашего издания мы пытались показать, что критическая деятельность никогда не была для Чуковского легким занятием. На протяжении долгих лет он вынашивал капитальные замыслы — книги о самоцельности, о Чехове, но газетная текучка не давала возможности для

их воплощения и временами заставляла критика роптать на свою судьбу, называть себя литературным смердом и т. п. В итоге вынужденная смена литературного амплуа временами воспринималась с облегчением — до тех пор пока были силы на постоянные перемены.

В том, что Чуковский одним из первых среди дореволюционной интеллигенции встал на путь сотрудничества с новой властью, не было ничего неожиданного. Многие в лозунгах, с которыми большевики пришли к власти, могло ему даже импонировать: идеи равенства, антибуржуазность, возможности широкой просветительской деятельности, — эти лозунги завораживающе действовали тогда не на одного Чуковского. Вот почему его имя мы находим в Комитете по реформе орфографии, где он работал вместе с Блоком и Ивановым-Разумником, а главное — среди сотрудников почти всех горьковских прожектов этих лет — от «Всемирной литературы» до Секции исторических картин, журнала «Завтра» и «Литературной газеты».

Революция упразднила многие важные прежде барьеры в среде дореволюционных литераторов — партийные деления, эстетические расхождения, кружковые пристрастия и т. п., уравнивая всех в безденежье и бесправии. Но внутреннего сплочения в эту среду она не принесла: теперь камнем преткновения стало отношение к новой власти.

Над послереволюционной историей русской интеллигенции в качестве эпиграфа можно поставить слова Блока: «О, если б знали, дети, вы, / Холод и мрак грядущих дней!» Холод и мрак надвигались постепенно, репрессивная машина медленно набирала обороты, подбираясь к писателям, и первые удары были направлены совсем на другие объекты. А интеллигенция обладала огромным запасом иллюзий, которые выветрились далеко не сразу, и свойственный ей исторический оптимизм оказал тогда плохую услугу.

Чуковский отчасти этот оптимизм разделял, и зверская работоспособность помогала ему не только выжить, но поверить в существование новых творческих горизонтов, собственной востребованности в качестве культуртрегера в новой исторической ситуации. Иллюзии Чуковского в этот период существенно подпитывались политическими лозунгами его любимца — Уолта Уитмана, книга о котором «Поэзия грядущей демократии», изданная в 1919 году, в некоторых отношениях выражала тогда и политическое кредо самого Чуковского.

До начала 20-х годов он был буквально заморожен демократией и открывавшимися перед ней чуть ли не планетарными перспективами. Поэтому жизненные тяготы он переносил относи-

тельно легко и не без гордости писал в Берлин А. С. Яценко: «Как литератор многосемейный, я, по условиям Нэпа, должен печатать в месяц три книжки для того, чтобы существовать»¹. Перечислив все изданные и подготовленные к печати за один год книги, среди которых и публикуемые в настоящем томе книги об Александре Блоке, Некрасове, футуристах, работа об Анне Ахматовой, детские стихи, переводы, Чуковский делал подсчеты — за год он подготовил около 50 печатных листов, не считая переводов и редактуры.

Пока литературная деятельность казалась нужной новому, демократическому читателю, Чуковский работал с большим энтузиазмом: организовывал новые журналы, например, вместе с Евгением Замятиным основал журнал «Современный Запад», предшественник нынешней «Иностранной литературы», участвовал в создании журнала «Дом искусств» (вышло два номера), позднее был одним из создателей журнала «Русский современник». Не менее энергично участвовал он в организации Дома искусств (ДИС-Ка), писательской коммуны, созданной для спасения от голодной смерти неприспособленных и замерзающих поодиночке литераторов. Она описана в романе Ольги Форш «Сумасшедший корабль». В новой эпохе Чуковский неожиданно выступил в роли наставника литературной молодежи, создав при Доме искусств Литературную студию, в недрах которой затем возникло писательское объединение «Серационовы братья». В имении Холмки на Псковщине Чуковский и Добужинский организовали писательскую колонию, куда литераторы с семьей уезжали из голодного города на лето подкормиться в деревне.

В начале 20-х годов Чуковский безоглядно и не жалея себя пытался наладить жизнь литераторов в новых условиях и приспособиться к этой жизни сам. Как обычно, общественная деятельность вызывала больше нареканий, чем благодарности, на Чуковского выливали все те упреки, которые на самом деле должны были адресоваться новой власти. Именно тогда он и писал письмо Алексею Толстому, находившемуся в эмиграции. В этом письме Чуковский на правах старого друга описывал собственную жизнь и приглашал писателя вернуться в Россию. До сих пор остается неясным, предполагал ли Чуковский, что письмо может быть опубликовано, во всяком случае, тон, в котором он описывал свою жизнь при новой власти, несколько отличался от того, каким эта жизнь описывалась в дневниках. «Слава Богу, — писал

¹ Цит по кн.: Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин. 1921–1923. По материалам архива Б. И. Николаевского в Гугеровском институте. Париж, 1983. С. 33.